

Д. С. Мережковский

Маленькая Тереза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Маленькая Тереза / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
50 с.

ISBN 978-5-4241-2434-1

Дмитрий Сергеевич Мережковский - известный русский и европейский поэт, писатель и философ Серебряного века. Один из основоположников русского символизма, он первым ввел в литературу жанр историософского романа.

ISBN 978-5-4241-2434-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.С. Мережковский, 2021

Дмитрий Сергеевич Мережков
Маленькая Тереза
(Приложение)

Смерть отца

Как прошел шестнадцатый год жизни ее – последний год ожидания Кармеля, об этом не вспоминает Тереза в «Истории одной души», а может быть, не помнила уже и тогда, когда этот год проходил. Если бы стрела, пущенная из лука в цель, могла чувствовать то, что с ней происходит между двумя мигами – тем, когда она слетела с тетивы, и тем, когда вонзилась в цель, то чувствовала бы то же, что Тереза в этом году.

Вместе вспоминает она о своем вступлении в Кармель и о начале смертельной болезни отца, может быть, потому, что эти два события не только одновременны, но и внутренне связаны, как причина и следствие.

Точно говоря, было не одно, а четыре вступления в Кармель, четыре двери, в которые надо было ей войти, чтобы вступить в Кармель окончательно, заживо для мира и для отца умереть: через первую дверь входит она при вступлении в послушницы 9 апреля 1888 года; через вторую – при облачении в рясу, prise d'habit, 10 января 1890 года; через третью – давая обет 8 сентября 1890 года; и, наконец, через четвертую – при пострижении в монашество 24 сентября 1890 года. Входя в каждую из этих четырех дверей, надо ей переступить через лежащее на пороге тело убиваемого ею отца; каждый раз думает она, что он уже умер, и видит, с возрастающим ужасом, что все еще жив и, почти труп, влачится за ней от двери к двери. И это длится три года.

«Эти три года кажутся мне самыми счастливыми и плодотворными в жизни моей». Страшное слово!

Что такое чудо святости, этого люди наших дней не знают или не хотят знать, а между тем чудо это в жизни св. Терезы Лизьеской совершилось перед нами и будет совершаться воочию, потому что эта жизнь бесконечна, по своим последствиям, не только для христиан, но и для отказавшихся от Христа людей нашего времени. «Будут еще святые, увенчаны венком святости в Римской Церкви, но уже не будут в миру», – предсказывал Реноне, как раз накануне тех дней, когда Тереза Лизьеская увенчана была венком святости не только в Церкви, но и в миру, и даже раньше в миру, чем в Церкви (Ghéon. *Ste Thérèse de Lisieux*, 1934, с. 74).

Что такое святость? Отсутствие зла? Нет, бесконечно растущая победа над бесконечно растущим злом. Это мы знаем, может быть, лучше святых, потому что нет у них такого страшного сознания, как у нас, такого направленного в самую глубину сердца, ослепительного прожектора. Кажется, глубже нельзя заглянуть в звездное небо, чем заглядываются люди наших дней; но вот, оказывается, можно: чем больше скрывается от человеческого взгляда вечная тайна мира, тем бесстрашнее и неутомимее человеческая жажда знания. Если бы великий ученый оказался на другой планете, то делал бы на каждом шагу удивительные открытия, а Маленькая Тереза делает их на нашей старой, бедной и скучной земле. Ни Канта, ни Эйнштейна, ни Лобачевского не знает она, но есть у нее тончайшие познавательные приборы и точнейший химический анализ, чем у них.

«Будьте, как боги» – в этом дерзновении человечество, в лице маленькой Терезы, зашло так далеко, что уже нельзя ему вернуться назад, можно только идти вперед, чтобы погибнуть или спастись. Чем спастись, могли бы узнать по религиозному опыту Маленькой Терезы, если бы мы поняли его как следует. В мир послав ее, Бог был к миру так милосерд, как только мог. Вот почему для нас нужнее всех святых она, и, узнав ее, мы не можем не полюбить ее, как родную.

Святость есть мудрость и знание, а грех – безумие и неведение. Но вот что удивительно: грешные люди знают иногда то, чего не знают святые, – что высшая точка христианства есть «согласование противоположностей», *accorder les contraires*, по слову Паскаля, соединение двух Божественных начал в Третьем – Отца и Сына в Духе; знают грешные люди, чего не знают святые, – что ни одна из Церквей, ни католическая, ни православная, ни протестантская, все еще не Церковь Вселенская, спасение человечества, и что Церковь эта может явиться только под знаком Трех – Отца, Сына и Духа: вот почему только Трое – св. Тереза Испанская, св. Иоанн Креста и св. Тереза Лизьеская – введут человечество в Церковь Трех.

«9 апреля 1888 года был день, назначенный для моего вступления в Кармель послушницей. В этот день праздновалось отложенное из-за костра Благовещение... Утром, взглянув в последний раз на Бьюссонский дом, милое гнездо детских дней моих, я пошла в обитель Кармеля, где стояла у обедни с родными. Когда Иисус сходил в сердце мое, я слышала только рыдание близких моих, и хотя сама не плакала, но когда шла, впереди всех, к воротам обители, сердце мое билось так, что мне казалось, что я умираю. О, как я страдала! Это надо пережить, чтобы понять. Я обняла моих родных и стала на колени перед отцом, чтобы он

меня благословил. Он тоже стал на колени и благословил меня, плача... И двери Кармеля закрылись за мной навсегда», — писала Тереза позже в своей книге. Вел ее отец в обитель Кармеля, как невесту на брачное ложе и как жертву на заклание.

12 февраля 1889 г., через месяц после того как Тереза приняла обет, узнала она, что отец ее тяжело заболел: с ним сделался удар и начался паралич. «Кажется, нельзя было больше за отца страдать, чем я страдала. Выразить это не могли бы никакие слова, и я не буду об этом говорить. А между тем три года смертельной болезни отца моего кажутся мне самыми счастливыми и плодотворными в жизни моей. Я не променяла бы их ни на какой экстаз» (Ghéon, 134). Так же как Иоанн Креста счастлив во тьме крошечной в аду, как в раю, «без всякого утешения земного и небесного».

Надо очень любить ее и очень верить в нее, чтобы, прочитав эти слова, не бежать от нее в ужасе. Но ведь и ученикам Иисуса надо было любить Его и очень верить в Него, чтобы, услышав из уст Его, может быть, самое страшное, когда-либо людям сказанное слово о ненависти любящих к любимым, не бежать от Него в таком ужасе, как все готовы бежать от Терезы.

В страшном и святом поединке Маленькой Терезы кто из них больше страдал, умирал, хотел и не мог умереть — убиваемый отец или убивающая дочь, святой или святая, — этого они сами не знали; знали только: один и тот же меч прошел им душу обоим. Две стороны одного режущего лезвия — два вопроса без ответа: хорошо ли мы делаем, что убиваем друг друга? Страшен этот сказанный вопрос, но еще страшнее немой: «Хорошо ли сделал Тот, Кто велел любящим убивать любимых?» «Иго мое благо, и бремя легко», — это же Он сказал. Но кто возлагает на людей злейшее иго и тягчайшее бремя, чем это? «Чти, благословляй, люби Отца своего», — говорит Отец. «Проклинай, ненавижь, убей Отца своего», — говорит Сын. Сын против Отца; Отец против Сына? Этого не говорили они и даже не думали, но где-то, «в самой, самой глубине, в самом сердце души» (по чудному слову Терезы Испанской), это было как начало смертельной болезни. Когда она говорит: «О, как я страдала. Надо самому пережить, чтобы понять» — это не пустые слова. Сам Иисус в Гефсиманскую ночь *блаженствовал* на лоне Пресвятой Троицы, но это не облегчало смертных мук Его.

Неудивительно, что ужаса этих вопросов не вынес и умер в полубезумии отец Терезы; удивительно то, что сама она выжила и осталась разумною. Что лучше — такая жизнь или такая смерть, — трудно решить.

8 сентября 1890 года, в ночь перед самым произнесением обета, среди горячих молитв и экстазов, вдруг великое искушение постигло ее. «Вместо утешения испытывала я только сухость души и богоотвержение. Это была сильнейшая буря за всю мою жизнь. В самом конце обета, во время ночной молитвы, обыкновенно столь сладостной, вдруг показалось мне мое пострижение безумной и невозможной мечтой. Дьявол — потому что это был он — внушил мне уверенность, что Кармель не для меня, что я обманываю всех (старших), вступая на путь, на который вовсе не призвана. Ночь моя — это „Тема Ночи Духа“, то же, что у св. Иоанна Креста, — ночь моя сделалась такою черною, что я почувствовала только, что должна вернуться в мир. Как выразить тогдашнюю муку мою? Я не знала, что мне делать, и наконец решила исповедаться игуменье в искушении моем и, вызвав ее, призналась ей во всем. К счастью, увидела она душу яснее, чем я сама, над моим признанием только посмеялась, и тотчас же дьявол бежал от меня; он

только хотел помешать мне и этим завлечь меня в западню, но не он, а я его поймала. Чтобы до конца унизиться, я призналась игуменье во всем, и утешительный ответ ее рассеял все мои сомнения окончательно. Утром 8 сентября, воды мира нахлынули в душу мою так, что в мире том, который „превыше всякого ума“, я произнесла мой обет». «Я призналась игуменье во всем», – вспоминает Тереза. Но, может быть, о главной причине ее искушения – о муках ее за отца – здесь все-таки умолчано; две стороны одного режущего лезвия, два вопроса без ответа – хорошо ли делают они, что убивают друг друга? И хорошо ли сделал Тот, Кто велел им друг друга убивать?

Очень знаменательно, что Папа Лев XIII, который угадал так пророчески в четырнадцатилетней девочке Терезе то же опасное для Римской Церкви, потому что возможно «еретическое», что угадал и в св. Терезе Испанской тот инквизитор, который предсказывал, что если бы прожила она дольше, то была бы отлучена от Церкви за «ересь» (это же мог бы предсказать и о св. Иоанне Креста), – очень знаменательно, что этот именно папа оказался христианским социалистом. Трудно поверить, что такой умный человек и проницательный политик, как Лев XIII, мог соблазниться таким грубым соблазном, как христианский социализм, что такая рыба могла быть поймана такой маленькой удочкой и что сразу не понял он, что христианский социализм есть прежде и больше всего немудрая для Церкви политика, покушение с негодными средствами, обращение в христианство, из-за грубой выгоды того, кому столько же дела до Христа, сколько до прошлогоднего снега; трудно поверить, что такой умный человек сразу не понял, что в христианском социализме он сделается маленьким «Великим Инквизитором», как в «Легенде» Ивана Карамазова.

В противоестественном соединении социализма с христианством происходит нечто подобное тому, что шабаш ведьм, где «жида с лягушкой венчают», потому что душа христианства есть воля к «Царству Человеческому», сначала без Бога, а потом и против Бога. Тот же и здесь свойственный всему XIX в. дурной вкус – дурной запах: древнюю тиару Верховного Первосвященника не побрезгал Папа Лев XIII заменить новым котелком социалиста Жореса или даже коммуниста Ленина.

«Я хотела бы, чтобы Бог принудил всех людей спастись, – ведь Он это может», – скажет Маленькая Тереза накануне смерти (H. Ghéon, 74). Если может спасти, то почему же не спасает? Знает она, конечно, ответ: потому что «принудительным» спасением отнял бы Он у людей свой божественный дар, Свободу.

Истина делает вас свободным... Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете (Ио., 8, 32 – 36).

Вот, кажется, из всех слов Господних самое непонятное сейчас не только для мира, но и для Церкви, православной, католической и протестантской, одинаково, потому что для них для всех несомненно, что свобода значит «мятеж», а мятеж значит «отпадение от Церкви и отступление от Христа», а что Церковь может быть меньше Христа, потому что не Он – от нее, а она – от Него, это давно уже никто не помнит, не знает или не хочет знать ни в миру, ни в Церкви. Первая, после Паскаля, вспомнила о том, что такое свобода со Христом, св. Тереза Лизьеская. «Руки мои я простираю ко Христу Освободителю», – могла бы сказать и она, как Паскаль.

Жизнью св. Терезы Лизьеской в XIX веке, как в XVI-м жизнью св. Иоанна Креста и св. Терезы Испанской, во внешней Реформе, поставлен вопрос, от которого зависят последние судьбы человечества: как относится нынешняя Русская Церковь к будущей Церкви Вселенской? Этому вопросу не поняла бы св. Тереза Лизьеская так же, как не поняли бы его св. Тереза Испанская и св. Иоанн Креста. Но, сами того не желая и не сознавая, каждым движением и каждым биением сердца ставили они все трое этот вопрос и отвечали на него: будущее – Церковь Вселенская – всемирно-историческое действие Трех, Отца, Сына и Духа, начнется только тогда, когда кончится настоящая Римская Церковь – всемирно-историческое действие Двух, Отца и Сына. Здесь, на земле, эти трое – св. Иоанн Креста, св. Тереза Испанская и св. Тереза Лизьеская – только потому, что там, на небе, те Трое – Отец, Сын и Дух. Путь. Путь от настоящей Римской Церкви к будущей Вселенской Церкви проходит только через этих трех на земле так же, как через тех Трех на небе.

Первые две Реформы, внешняя, протестантская, и внутренняя, католическая, отделены от второй, той, которую начинает, сама того не зная и не желая, св. Тереза Лизьеская будущей, уже не протестантской и не католической, а вселенской Церкви, являются одним из величайших событий всемирной истории, Великой Французской Революции и всем, что родилось от нее, за последние четыре века до наших дней, хотя уже под другим знаком, но с тем же вечным смыслом.

Кажется, души отдельных людей и собирательная душа человечества никогда еще, после Рождения Христа, не были таким расплавленным металлом или бушующим хаосом, как в наши дни, и никогда еще так не требовал хаос этот порядка, отливки этот металл. Формы для отливки не может быть иной, или, по крайней мере, люди формы иной не хотят, кроме социальной революции. Равенству жертвуют они свободой и братством в трехчленной заповеди Великой Революции: Свобода, Равенство, Братство. Опыт русского коммунизма, который привел к тягчайшему, за память человечества, рабству и к братоубийственной бойне, не убедил никого, что жертва эта может быть и убийственна для человечества, потому что жажда Равенства в людях наших дней так неутолима, а страх Свободы так силен, что никакие опыты не могут их в этом убедить.

Как ни уединена была Маленькая Тереза в уединении Кармеля от всего, что происходило за стенами его, кое-чего не могла она не знать о величайшей попытке человечества устроиться на земле без Бога, о социализме; не могла она не знать об этом тем более, что и в самом Братстве Кармеля, так же как во всех монашеских Братствах, продолжалось, пусть неудачно, но с бесконечной и, может быть, ненеправильной надеждой, что будет и удача когда-нибудь, то, что люди наших дней называют «социальной революцией», и что началось еще, хотя и в совсем противоположном смысле, за две тысячи лет назад, уже в первохристианских общинах:

Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого (Деян., 2, 44 – 45).

В первый раз уже совершилось это великое чудо Свободы, Равенства в Насы-

щении Хлебами:

Он взял пять хлебов и две рыбы, возрев на небо, благословил и преломил хлебы, и дал ученикам Своим, чтобы они роздали им; и две рыбы разделил на всех. И ели все и насытились. И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов. Было же евших хлебы около пяти тысяч мужей (Мк., 6, 41 – 44).

То же великое чудо повторяется, вот уже две тысячи лет, каждый день, в Церкви, в таинстве Евхаристии, как немолчное пророчество о том, что когда-нибудь совершится не только в Церкви, но и в мире то, что люди наших дней называют так неверно и недостаточно, потому что безбожно, «социальной революцией». Каждый день во всем христианском человечестве повторяется это пророчество, но никто не понимает его, не видит и не слышит.

Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? Имея уши не слышите? И не помните? (Мк., 8, 17 – 18).

Люди все меньше помнили об этом, все больше забывали и, наконец, за последние четыре века социальной революции, забыли так, как еще никогда. Маленькая Тереза вспомнила об этом первая и поняла, что мир сейчас погибает, потому что об этом забыл, и не спасется, пока не вспомнит; первая поняла она, что голода человеческого никто не насытит, жажды не утолит; того, что люди наших дней называют «проблемой социального неравенства», никто не разрешит, кроме Того, Кто сказал, две тысячи лет назад, и сейчас говорит каждый день, в таинстве Плоти и Крови:

Я хлеб живой, сошедший с небес; идущий хлеб сей, будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день (Ио., 6, 51 – 54).

Что это значит, поняла св. Тереза Лизьеская первая, как, может быть, за две тысячи лет христианства, не понял никто; вспомнила об этом первая, и можно сказать, что все дело ее не только во времени, но и в вечности есть не что иное, как напоминание миру, сейчас погибающему так, как он еще никогда не погибал, что нет для него иного пути спасения, кроме этого. Вот почему людям наших дней, может быть, ближе она и нужнее, чем кто-либо из святых, кроме св. Терезы Испанской и св. Иоанна Креста, которые делали то же во времени и делают в вечности, что и она.

Маленькая Тереза, когда ей было 14 лет, горячо молилась о великом злодее Пранцини, осужденном на смертную казнь. Так же нераскаянно все человечество наших дней, как нераскаян был этот злодей, когда всходил на эшафот, где уже сверкал нож гильотины и ждал его палач, а священник подал ему распятие, он посмотрел с таким презрением, как будто плюнуть на него хотел, но в последнюю минуту, по горячей молитве маленькой, никому не известной девочки, будущей великой святой Терезы Лизьеской, совершилось чудо Божие: вдруг схватил несчастный распятие, прижал его к побелевшим губам и услышал: «Будешь со Мною сегодня же в раю!» Тем же чудом Божиим, по той же молитве Маленькой Терезы, спасется, может быть, и все человечество наших дней.

«Маленькая – великая, грешная – святая Тереза, – молится, сам того не зная, один из неверующих людей нашего времени, – мы уже не боимся тебя, и насколько ярче озаряет нас свет лица твоего теперь, когда мы вдруг увидели, что ты, в муках своих и сомнениях, так похожа на нас! Как мужество твое, без всякой помощи Свыше, делает и нас более мужественными. К самым горячим молитвам твоим были мы равнодушны, потому что это был для нас чужой, непонятный язык. Но ты сошла к нам с неба на землю, за руку взяла нас молча, и мы вдруг увидели, что ты и сама плачешь так же, как мы, и слезы твои нас утешили» (L. Delarue-Mardrus, Sainte Thérèse de Lisieux, 1920, с. 7). Так никто никому из святых не молился, за две тысячи лет христианства, а только такая молитва и может спасти человечество наших дней.

«Мама моя умерла; Маленькая Тереза, защити меня, как мама!» – молился какой-то погибавший и чудом спасшийся летчик в первой Великой Войне, и сколько подобных ему! Так же могло бы молиться и все человечество наших дней. «Мама» его умершая – нынешняя Церковь, православная, протестантская или католическая, а Мама Живая, та, кого оно зовет, само того еще не зная, есть Будущая Церковь Вселенская.